

РАЗДЕЛ 3.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 1 (091) (470)

Виноградов А.И.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ П.Я. ЧААДАЕВА О СУБЪЕКТЕ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ПЕРСПЕКТИВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА *

Аннотация: В статье анализируются взгляды П.Я. Чаадаева на субъект истории, выясняется, кого он наделял таким статусом и как характеризовал. Затем его взгляды сравниваются с мнениями по этому вопросу некоторых представителей современной западной философии. Выявляются черты сходства и различия в этих подходах, намечаются перспективы их синтеза.

Ключевые слова: субъект истории, П.Я. Чаадаев, синтез, русская философия.

Как известно, человеческая мысль никогда не возникает на пустом месте. Появлению любой концепции предшествуют догадки, прозрения, предчувствия. Пусть они часто носят туманный и неконкретный характер и бывают выражены в терминах, недостаточно определенно отражающих существо дела, но само возникновение таких представлений свидетельствует о постепенном созревании контуров будущей теории. Обращаясь к истокам современных концепций, лучше начинаешь понимать их суть, полнее оцениваешь их значение и лучше представляешь те перспективы, которые с ними связаны.

Все это в полной мере относится и к представлениям об истории, возникающим в современную нам эпоху, которая характеризуется термином «постиндустриальное общество». Появление таких представлений было подготовлено длительным развитием философской мысли. Можно сказать, что они являются закономерным продолжением европейской философской традиции. К сожалению, относительно небольшой объем, продиктованный рамками статьи, не дает возможности рассмотреть данный вопрос в широкой панораме. Поэтому мы затронем эту тему только в одном, причем, непривычном для нее ракурсе: рассмотрим, как теоретические истоки представлений об истории, появившиеся на стадии постиндустриального общества отражались

в рецепции европейской философии на русской почве – в представлениях о субъекте истории П.Я. Чаадаева.

Этот мыслитель был выбран для решения поставленной задачи не случайно. Чаадаев хорошо разбирался в европейской философии своего времени, был в курсе тех проблем, которые в ней рассматривались, встречался с Шеллингом и затем переписывался с ним, выражал явные симпатии европейской культуре, образованию и католической церкви, словом, был русским «западником», не в значении принадлежности к одноименному идейно-политическому направлению русской мысли, а в значении проявлявшегося им искреннего и глубокого интереса к достижениям европейской цивилизации.

Говоря о философии истории П.Я. Чаадаева следует, прежде всего, отметить ее христианский характер, о чем свидетельствуют многократные апелляции философа к христианскому вероучению, ссылки на божественную волю и высшую силу, руководящую людьми. Христианство, по мнению Чаадаева, сыграло исключительно важную роль в становлении современного человечества, оно принципиально изменило древний мир, который характеризуется философом как «развратный, лживый, обгагранный кровью» [1, с. 110]. А христианское учение об истории выделяет два ее подлинных субъекта: Бога и человечество. Вера в единого Творца всего существующего в мире, руководящего своим творением, породила идею всемирного исторического движения, что придавало статус субъекта истории, в первую очередь, Богу. Христианский провиденциализм не исключает из сферы божественного влияния ни одно, даже самое мельчайшее, событие в мире, не говоря уже о столь масштабном процессе, каким является всемирная история. Человеческие личности и, даже, отдельные народы не воспринимаются в таком подходе как самостоятельные участники исторического процесса, они носят

* © Виноградов А.И.

лишь подчиненный характер.

Принципиальное выражение такой позиции мы и находим в философии истории Чаадаева. Совершенно очевидно, что Чаадаев – провиденциалист. Он видит в истории определенный план, задачу, поставленную Богом и решаемую человечеством. Согласно его взглядам «ничто не расширяет нашу мысль и не очищает нашу душу в большей степени, нежели это созерцание божественной воли, властвующей в веках и ведущей человеческий род к его конечным целям» [1, с.102]. Таким образом, Бог проявляет себя по Чаадаеву как действительный, ведущий субъект истории. Причем, Бог руководит историческим процессом не только в самом общем смысле, устанавливая единую для всего человечества цель, но и непосредственно действует в отношении народов и людей.

Каждый народ и каждый человек призваны к тому, чтобы внести свой посильный вклад в решение этой общей задачи. Чаадаев четко отличает божественное действие, которое «совершается в бесконечности» и обнимает собой общий ход человеческой истории от того, которое он характеризует как «проявляющееся в какое-нибудь определенное время в человеческой жизни» [1, с. 50]. Человек или целый народ могут, конечно, не понимать общего плана истории, того, что Бог задумал в бесконечности, но их задача заключается, по крайней мере, в том, чтобы попытаться понять свою собственную роль в этом процессе, уяснить то, чем они могут способствовать достижению цели, поставленной перед всем человечеством.

Сказанное означает, что отдельные народы или люди могут проявлять себя в истории только двояким образом: либо способствовать достижению человечеством определенной для него цели, либо остаться безучастным к общему делу и сгнуться в неизвестности, никак себя не проявив. Эта теоретическая позиция, выраженная Чаадаевым в примерах из исторической жизни разных народов, особенно ярко просматривается в сравнении им истории Европы и России. Европейские народы рука об руку уже много веков стремятся к выполнению божьего плана развития человечества. И это дает Чаадаеву основание для того, чтобы фактически отождествить европейскую историю с историей общечеловеческой. Чаадаеву представлялось, что в современном ему мире «Европа как бы охватила собою земной шар, все остальные человеческие племена до такой степени подчинились ей, что существуют лишь как бы с ее позволения» [1, с.114]. Он постоянно употребляет, практически, как синонимы понятия «Европа» и «человечество» и считает это вполне правомерным, так как именно европейцы, по его мнению, поняли свое предназначение как исполнителей плана провидения

в отношении всего человеческого рода и реализуют его.

В литературе, посвященной развитию русской философской мысли принято подчеркивать «прозападные» мотивы творчества Чаадаева и связанную с ними критику мыслителем российской действительности. Но дело, конечно, не в том, что Чаадаеву нравилась Западная Европа и не нравилась Россия, а в том, что Россия не соответствовала его представлениям об универсальности истории, о ее принципиальном единстве, порожденном христианской религией. Именно христианским универсализмом в мышлении Чаадаева можно объяснить и ту горечь, которую он испытывает в отношении российской истории и той действительности, которую он наблюдал. Россия, по его мысли, не принимает участия в решении той задачи, которая стоит перед человечеством и тем самым она лишает себя какой-либо исторической роли, лишает себя участия в деятельности субъекта истории, который мыслился Чаадаевым как единое человечество. Даже исламские народы, при всей их враждебности христианству, вносят свой вклад в дело развития человеческого рода. Исходящая с их стороны угроза христианскому обществу вынудила последние сплотиться, «заставив различные частные интересы народов слиться в едином интересе их общей безопасности» [1, с.137], в чем Чаадаев видит окольные пути, по которым провидение действует ради всеобщей пользы, даже отрицательное воздействие обращая во благо. Это означает, что помешать действию божьего промысла в истории невозможно, им все учтено и в нужное время будет использовано для наилучшего результата.

Провидение, по Чаадаеву, имеет определенный план и в отношении России – она должна «послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений, которые сумеют его понять» [1, с. 48]. Таким образом, своя роль в мировой пьесе у России по Чаадаеву все-таки есть, хотя она еще и не сыграна. В одном из писем А.И. Тургеневу Чаадаев писал: «Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе» [1, с. 237]. А в другом письме тому же адресату он даже высказывает мнение о том, что Россия имеет преимущество перед Западом, она «должна принять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы» [1, с. 240]. Правда, для этого необходимо, чтобы Россия осознала свое предназначение.

Общая картина исторического процесса из сказанного выглядит, согласно Чаадаеву, следующим образом. Главный субъект истории – это Бог. Он установил цель, которую должен достичь

в своем развитии другой субъект истории – человечество. Поскольку эта цель общая, то отдельный народ достичь ее не может, а должен внести свой вклад на благо человечества. Народы, в соответствии с его взглядами, должны осознать, что общий интерес человечества является «верно понятым интересом каждого отдельного народа» [1, с. 108]. Эта идея возвращает нас от рассмотрения исторической роли отдельных народов к общечеловеческой задаче, к господству универсального начала в истории, подпитываемому у Чаадаева верой в будущее счастье человечества. Но для решения этой задачи должна проявиться активность самих народов. Выполнение ими своей роли в общем деле зависит от того, насколько эта роль будет ими осознаваться. Поэтому один из самых важных уроков истории состоит по Чаадаеву в том, что народам необходимо открыть их истинное предназначение, нацелить на решение общечеловеческой задачи, или, как он выражается, «наполнить сознание существующих народов предчувствием судеб, которые они призваны осуществить» [1, с. 107].

Это представление, видимо, и заставило Чаадаева обрушиваться с острой критикой на историческое прошлое и невыразительное настоящее России. Он видел свою роль в том, чтобы разбудить собственную страну, вызвать в своих современниках стремление соответствовать возложенной на них задаче в общемировом процессе. Подтверждение этому мы находим в его замечании: «счастливы те, кто носит в сердце своем ясное сознание части, им творимой, в этом великом движении, которое сообщил миру сам Бог» [1, с. 55]. Когда русский народ поймет свое предназначение в мировом процессе развития, то он станет историческим народом и внесет свой вклад в общее дело. В «Апологии сумасшедшего» Чаадаев пишет, что «настоящая история этого народа начнется лишь с того дня, когда он проникнется идеей, которая ему доверена и которую он призван осуществить» [1, с. 152].

Все сказанное о роли отдельных народов в представлении Чаадаева относится и к трактовке им исторической роли личностей. Личностям в истории им отводится такая же роль, как и народам – и те и другие могут проявить себя, стать историческими, только при условии, что своей жизнью они будут вносить вклад в дело достижения всем человечеством установленной для него цели. Поэтому-то, когда Чаадаев заводит речь о великих исторических личностях, то из всех, о ком он упоминает, им особо выделяются Моисей и Давид из-за того, что только они в полной мере соответствовали божественному плану развития человечества, «в духовной жизни мира эти люди несомненно были вполне непосредственными проявлениями

управляющего ею высшего закона» [1, с. 133].

Главная историческая задача любого человека заключается по Чаадаеву в том, чтобы преодолеть собственную индивидуальность и обособленность и осознать свою природу в качестве члена человеческого общества, с вытекающей из этого осознания необходимостью как можно более тесного слияния со всем человечеством. Чаадаев выразил эту задачу определенно и категорично: «человек не имеет в этом мире иного назначения, как эта работа уничтожения своего личного бытия и замены его бытием вполне социальным или безличным» [1, с. 125]. *Итак, отдельные народы и личности растворяются Чаадаевым в человечестве, у них нет собственной истории и самостоятельной исторической роли. На исторической сцене в его изображении остаются только Бог и человечество, которые оказываются единственными актерами пьесы под названием «история».*

Эти темы, затронутые Чаадаевым в 19 веке в России, имеют не только культурно-историческое значение в качестве специфической черты русского мышления. Проблемы, над которыми он задумывался в то время, остаются актуальными и в переживаемую нами эпоху. И, прежде всего, это проблемы, связанные с пониманием субъекта истории: представляет ли он собой настоящее единство, сохраняется ли этот статус за человечеством и сейчас или роль субъекта истории выполняют отдельные народы, или их группы, имеется ли общая цель исторического движения у разных народов, кто является авангардом такого движения. Эти и близкие к ним вопросы затрагиваются в современных концепциях периода постиндустриального общества. И в тех ответах, которые даются этой (условно: постиндустриальной) концепцией, очень многое сходно с представлениями, высказанными П.Я. Чаадаевым.

Бесспорно, что философско-исторические взгляды, существующие в наше время, отличаются гораздо большим разнообразием, чем во времена Чаадаева. Но среди них есть и такие варианты, которые близки его представлениям. Причем, эти варианты пользуются значительным влиянием. Такова, например, концепция постиндустриального общества. Разница между этими представлениями заключается лишь в понимании того, какой фактор выступает в роли двигателя истории. По Чаадаеву – это Бог, а в соответствие со взглядами теоретиков постиндустриализма осуществляется технико-технологическая детерминация истории.

Так, А. Тоффлер по этому поводу пишет: «технология является великим, ревушим двигателем перемен» [2, с. 21]. В остальном же картина истории выглядит довольно близко к нарисованной Чаадаевым. Мы видим в ней тот же самый общечеловеческий процесс. На каких-то стадиях

отдельные народы достигают значительных успехов в этом развитии, другие отстают или пока еще остаются в стороне. Но этот общий процесс, в котором стадии экономического роста закономерно сменяют друг друга, постепенно втягивает в свой водоворот все народы, игнорируя их отличия, формируя из них единое человечество.

Кроме единства задачи и закономерного хода ее достижения, многие современные мыслители просматривают у человечества и подобие цели истории. Ее хорошо выразил Ф. Фукуяма, заявивший, что «либеральная демократия может представлять собой конечный пункт идеологической эволюции человечества и окончательную форму правления в человеческом обществе, являясь тем самым концом истории» [3, с. 7]. Теперь всем народам остается только достичь этого конца, как его уже достигли «передовые страны».

Можно по-разному относиться к представлениям современных западных мыслителей, принимать или отвергать перспективу повторения Россией путей западной цивилизации. Но, представляется, что действительность подтверждает принципиальное единство человечества как субъекта истории, отстаивавшееся Чаадаевым. Это единство человечества значительно возросло за время, прошедшее со времени жизни русского философа. Сегодня мы живем в едином мировом историческом пространстве, «универсальное единство истории на земном шаре (и вокруг него) сегодня является реальностью» [4, с. 288].

Но есть один пункт, по которому взгляды Чаадаева на субъект истории принципиально отличаются от большинства современных подходов. Чаадаев обосновывает единство человечества на основе *нравственных ценностей*. Субъект истории по нему развивается к цели, которую он мыслил не как решение экономических или политических задач, а как осуществление нравственного закона [1, с. 146]. А это принципиально важно, ведь, если общество формулирует цель своего существования не как достижение более высокого нравственного уровня, а в экономических или политических категориях, то в таком обществе наступает нравственная деградация. И это осознает часть современных мыслителей. Например, Х. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» пишет об *утрате нравственности* современным обществом: «прежнюю массовый человек отверг не ради новой, а ради того, чтобы согласно своему жизненному складу не придерживаться никакой» [5, с. 161].

Единство человечества на основе безнравственности бессмысленно и не ведет никуда, кроме пустоты. Это один из важнейших уроков русской философии, который она преподносит миру и сегодня в наследии своих представителей, в том

числе, в работах П.Я. Чаадаева. Это наследие представляет собой бесценный опыт осмысления задач духа, заботы не столько о внешней, сколько о внутренней стороне жизни, в котором так нуждается современная цивилизация. Творчество Чаадаева в этом отношении являет собой стремление соединить достижения западной культуры с российской, найти в едином общечеловеческом субъекте истории место каждому народу и каждому человеку. Перспективы современного общества понимаются в этом контексте как неразрывно связанные с приоритетом нравственных ценностей перед всеми остальными. Пример такого решения вопроса, по мысли Чаадаева, и должна показать в своей будущей истории Россия. Хочется думать, что это было великим прозрением русского философа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Чаадаев П.Я. Статьи и письма – 2-е изд., доп. – М.: Современник, 1989.
2. Тоффлер А. Футуршок. СПб., 1997.
3. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
4. Хабермас Ю. О субъекте истории // Философия истории. Антология. М., 1994.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М., 1997.

A. Vinogradov

P.J. CHAADAIEVA'S REPRESENTATIONS ABOUT THE SUBJECT OF HISTORY AND A PROBLEM OF UNDERSTANDING OF PROSPECTS OF A MODERN SOCIETY

Abstract: In this article the views of P. Chaadayev on the subject of history are analyzed: who is given this status and how it is characterized. Then his ideas on this problem are compared with the opinions of some representatives of modern western philosophy. Similarities and differences in approaches, prospects of their synthesis are put forward.

Key words: subject of history, P.J. Chaadaev, synthesis, Russian philosophy.